

Православные, вы сей часъ удостоитесь приступить къ иконѣ преподобнаго Св. Серафима Саровскаго Чудотворца для обლობзанія въ надеждѣ полученія милостей Господнихъ, нужныхъ вамъ по немощимъ вашимъ какъ душевнымъ такъ и тѣлеснымъ, обсудите же теперь каждый состояніе своего сердца, своей души и всѣхъ помышленій своихъ, и строго обсудите, дабы непостыдно удостоиться обლობзать ликъ великаго подвижника Божія Серафима... И если вы найдете состояніе своего сердца, своей души и всѣхъ своихъ помышленій именно настроенными и въ духѣ вѣры Христовой, и въ духѣ православія и въ духѣ совершенной преданности волѣ Божественнаго промысла, то православные, дерзайте, смѣло дерзайте, приступить къ исполненію своего объята..., и Богъ по молитвамъ преподобнаго Серафима не оставитъ васъ своими великими милостями.

Дерзайте, дерзайте православные, и вѣра ваша спасетъ васъ!. (Лук. 8, 48.).

Благочинный прот. *Георгій Надеждинскій*.

Изъ памятки приходскаго пастыря.

Въ приходѣ Казанской церкви въ селѣ Пришибѣ.

Спѣшилъ я къ празднику Рожд. Хр., и успѣлъ. Родители мои несказанно были рады нашему переѣзду, но мнѣ отъ того не легче стало. Привыкъ я служить въ новой церкви, гдѣ все благоустроено, а здѣсь церковь ветхая съ прогнившей крышей и полами, и все въ ней плохо; привыкъ я видѣть въ каждый праздникъ на богослуженіи церковь, переполненную народомъ и дѣтми, а здѣсь въ воскресенье стоятъ нѣсколько стариковъ и старушекъ, и тѣ въ сторонкѣ—какъ будто прячутся отъ свѣта Божія, какъ будто имъ стыдно за дѣтей и внуковъ своихъ. Въ Балкѣ я—самъ хозяинъ, а здѣсь я—второй. Все это раньше мнѣ коротко было извѣстно и мутило душу. Въ приходѣ однихъ православныхъ до 8 тысячъ обоого пола; много богатыхъ скотово-

довъ, но каковы эти православные? Всѣ почти заражены молоканствомъ и жили скотами—больше въ степи на скотскихъ хуторахъ. Но къ утѣшенію своему я старался убѣдить себя, что назначеніе меня на борьбу съ молоканствомъ—дѣло не случайное. Есть сила, которая направляетъ жизнь нашу на тотъ или иной путь; эта сила—небесная, промыслъ Божій, которому должно покориться.

Господи! Соверши силу Свою въ немощахъ моихъ, вздохнулъ я къ небу, и повелѣ свое пастырское дѣло, какъ могъ.

1) Какъ въ Балкѣ, поучалъ пришибянь жить по христіански и дѣтей воспитывать въ страхъ Божиємъ; вель бесѣду съ ними и въ церкви и на домахъ во время посѣщенія ихъ съ Крестомъ и требами. Помню, на первой же утрени воскресной обратился я къ предстоящимъ старцамъ: „Отцы! гдѣ ваши дѣта, внуки? Да и васъ сколько здѣсь ради праздника Христова? Такъ ли надо жить христіанамъ?“... Послѣ обѣдни было слово пастырскаго привѣта и опять увѣщаніе—ходить въ церковь и приводить сюда дѣтей своихъ; обѣщаль каждый праздникъ учить ихъ закону Божію.

2) Позаботился объ улучшеніи церковнаго пѣнія. Къ моему удовольствію два дьячка Балт—скій и Б—ловъ были изрядные пѣвцы, давніе мои пріятели (а Б—кій—мой бывший учитель по „Начаткамъ“), охотно согласились принять участіе въ этомъ. Къ нимъ приласкалъ способныхъ любителей изъ прихожанъ. Жалѣли, что сельское училище не давало дѣтскихъ голосовъ, потому что было не наше, а казенное.

Года чрезъ два нашель я и дѣтскіе голоса. Узналъ, что чернички часто собираются по вечерамъ въ одну изъ келій своихъ и поютъ. Надо послушать, какъ и что онѣ поютъ? Нѣтъ ли у нихъ молоканской или хлыстовской закваски?—Зашель однажды къ нимъ въ собраніе; ихъ однихъ пѣвицъ болѣе десятка. Поютъ онѣ молитвы изъ церковнаго богослуженія и—не дурно; голоса есть превосходные. Прошу ихъ послужить не себѣ только, а и всѣмъ православнымъ—въ церкви, во славу Божію. „Общество,

говорю, будетъ вамъ благодарно, и Господь вознаградитъ“. Согласились. Начались спѣвки въ церковной сторожкѣ и—чрезъ недѣлю церковь огласилась простымъ, но пріятнымъ пѣніемъ съ прекрасными альтами и дискантами; одна группа становилась по правую сторону праваго клироса, а другая по лѣвую. Такое пѣніе продолжалось года четыре, пока наконецъ не поступилъ учителемъ воспитанникъ семинаріи Ал. Б—скій, бывшій тамъ регентомъ, сынъ дьячка. Онъ образовалъ хоръ съ мальчиками.

Поученія не рѣдко направлялись къ обличенію молоканскихъ заблужденій, потому само собою ослабляли пропаганду молоканства, а улучшенное пѣніе оказало свою услугу православію: привлекало къ Богослуженію даже тѣхъ, кто никогда не ходилъ въ церковь; еще оно стало сильною конкуренціею въ пѣніи, которыми соблазнялись православные на молоканскихъ моленіяхъ. Одна добрая прихожанка разъ мнѣ заявляетъ, что мужъ ея Х. не любитъ молоканъ, а на моленія ихъ мимо своей церкви охотно ходитъ. „Пощупай его, батюшка; онъ ужъ года три не говѣлъ. Только ужъ самъ какъ нибудь... про меня-то не говорите“. Удобный случай побесѣдовать всегда найдется. Х. откровенно повѣдалъ мнѣ, что „у молоканъ на моленіяхъ луше нашего. Въ церкви стоишь, стоишь,—ничего не разберешь и не поймешь, такъ что дремота нападаетъ, а у молоканъ проскажутъ изъ псалма, и поютъ это всѣ—бабы и дѣвки съ мужиками; съ ними и самъ подтянешь—сердце радуется; да всѣ сидятъ. Одно слово—любо. А Богу-то молиться чай все равно“. Не легко было улѣдить его, что не все равно. А сколько этотъ случай говорить въ пользу массоваго, народнаго пѣнія въ церкви, но 30—40 лѣтъ назадъ и думать о томъ не смѣли.

3) Не мало послужило дѣлу православія чтеніе душеполезныхъ книгъ въ церковной сторожкѣ; особенно Четьи-Минеи народъ полюбилъ. Чтеніе это происходило между утренею и литургіею—отъ 6 до 9 час. утра. Впослѣдствіи, около 70 годовъ, чтеніе это перешло въ церковь и велось вслѣдъ за вечерней въ каждый праздникъ; потомъ, съ цѣлію привлеченія молоканъ,

установилось въ стѣнахъ училища, съ участіемъ всѣхъ пѣвцовъ. Цѣль эта въ нѣкоторой степени была достигнута—заходили на чтеніе, по гласу колокола, иногда и молokane, когда я сталъ приглашать послѣ чтенія оставаться—кому желательно побесѣдовать о вѣрѣ“.

4) Устраивались особыя бесѣды съ наставниками молokane. Въ 1848 и 1851 года массами нѣсколько семествъ совратились изъ православія въ молokaneскую секту (около 200 д.) Особыхъ миссіонеровъ тогда не существовало въ епархіи; по указу Консисторіи приходскіе священники обязаны были увѣщевать совратившихся оставить заблужденіе. Для этого мы и собирали молokane въ церковную сторожку. На эти полемическія бесѣды приходили послушать и православные искатели истины. Изъ нихъ нѣсколько лицъ стали ревнителями за православіе. Они любили побесѣдовать со мною особо по вопросамъ молokaneскаго вѣроученія, брали у меня читать книги и уставно-рукописныя листочки съ подборомъ текстовъ св. Писанія для полемики, а затѣмъ, по моему благословенію, сами начали вести словопрѣнія съ молokaneканами. Сначала вели домашнія бесѣды въ небольшомъ кружкѣ, потомъ публичныя—въ многочисленномъ собраніи молokane и православныхъ. Эти бесѣды устраивались такъ: мои ученики прежде согласятся съ главарями сектантовъ, о чемъ бесѣдовать. По этому вопросу мы вмѣстѣ прочитаемъ по „Богословію“ архіепископа Макарія, въ „Камнѣ вѣры“ и въ Библии нужныя мѣста; мои помощники запишутъ кое что въ свои памятки; составляю имъ планъ словопрѣнія и провожаю на борьбу съ нужными наставленіями и Божіимъ благословеніемъ. Для такихъ бесѣдъ сами сектанты находили на окраинѣ села просторную избу и—она наполнялась до нельзя молokaneками и православными. На радость мою помощники мои всегла выходили побѣдителями; былъ случай къ торжеству православныхъ—одинъ молokaneскій наставникъ изъ передовыхъ убѣждалъ съ бесѣды безъ шапки. Жаль, что въ слѣдующемъ году молokane стали уклоняться отъ публичныхъ бесѣдъ и затѣмъ советѣмъ оставили ихъ. Помощниковъ, особенно

близкихъ ко мнѣ, было шесть; изъ нихъ Героей Скобилевъ, Пришибинскій крестьянинъ, впоследствии сталъ псаломщикомъ и помощникомъ миссіонера; Василій Шапошниковъ, кожевникъ изъ мѣщанъ г. Кузнецка, служилъ миссіонеромъ въ санѣ священника.

5) Самъ посѣщаль дома совратившихся съ Библиею въ рукахъ. Осенью и зимой цѣлыми вечерами иногда бесѣдоваль съ ихъ главарями въ средѣ семьи, куда приходили и сосѣди послушать мирную бесѣду. Всѣ новые и старые молokane любезно принимали меня за то, что я былъ противъ полицейскихъ придирокъ, какъ это водилось на законномъ основаніи до 1860 года, пока не объявили намъ секретныхъ Высочайше утвержденныхъ „наставленій“ относительно сектантовъ.

Мирныя отношенія наши къ сектантамъ нарушились по одному прискорбному обстоятельству, на которомъ стоитъ остановиться, такъ какъ это переживалось нами—приходскими священниками очень тяжело. По дѣлу о совершившихся состоялось рѣшеніе уголовной палаты, по которому между прочимъ, въ случаѣ упорства ихъ въ заблужденіи, дѣти должны быть отобраны отъ нихъ и, по крещеніи или присоединеніи, отданы на воспитаніе православнымъ родственникамъ. Мы—приходскіе священники выясняли начальству, что эта мѣра бесполезна, если отдать дѣтей тутъ же—въ селѣ Пришибѣ, такъ какъ ихъ болѣе 60, и большая часть изъ нихъ взрослая—отъ 7 до 16 лѣтъ; едва ли кто найдется принять таковыхъ на свое попеченіе. Консисторія и палата приняли это во вниманіе и рѣшили—отдать дѣтей въ другія волости Царевскаго уѣзда.

По распоряженію г. исправника Кр—цкаго (изъ Севастопольскихъ офицеровъ) въ назначенное время съѣхались въ Пришибъ изъ всѣхъ волостей сельскія власти съ людьми, которые пожелали взять себѣ на воспитаніе—конечно даровыхъ работниковъ. „O, tempora! O, mores!“ Власти съ понятными и стражею быстро осадили всѣ дома, гдѣ нужно брать дѣтей, такъ что укрыть ихъ не успѣли. Берутъ, уводятъ и увозятъ. Отцы большею частію только упрашивали не отнимать у нихъ „чадушекъ“;

не оказывали смѣлаго сопротивленія властямъ, а матери львицами встрѣчали ихъ, хватали дѣтей въ объятія и замирали съ ними; инныя вооружались—чѣмъ попало противъ похитителей,—такихъ боевыхъ несчастныхъ въ цѣпяхъ уводили въ холодную. Далеко слышенъ былъ велий вопль Рахилей: Дѣти плакали, но меньше матерей; они озадаченные будто терялись и покорно отдавали себя чужимъ. Цѣлыми десятками приводили и приносили къ намъ въ церковь—малютокъ для крещенія, а крещенныхъ до отпаденія отцовъ отъ церкви для присоединенія къ ней,—они спокойно относились къ священнодѣйствию и молились: имъ не привыкать было къ этому. Конечно, еще ласки новыхъ матерей сдѣлали свое дѣло.

Черезъ полгода пріѣзжаетъ въ Пришибъ чиновникъ какой-то и приглашаетъ насъ-священниковъ порознь къ себѣ въ квартиру для объясненій по дѣлу объ отобрани дѣтей у родителей. Оказалось, убитые горемъ отцы подали жалобу Государю Императору, а матери Государынѣ Императрицѣ. Чиновникъ этотъ присланъ изъ Петербурга сдѣлать секретное дознаніе. Мы волею Божіею уцѣлѣли и консисторію не выдали, а г. исправникъ съ нѣкоторыми изъ губернскихъ чиновъ пострадали. Черезъ годъ послѣдовалъ указъ возвратить родителямъ дѣтей; но большая часть ихъ безъ того были уже дома: иныхъ похитили черезъ подкупъ изъ селеній, гдѣ онѣ жили, другихъ въ полѣ въ рабочую пору. Малышей, которые бѣгали, крали такъ: играетъ ребенокъ на дворѣ или на улицѣ; въ удобный моментъ накидываютъ на него большой платокъ и уносятъ. Тутъ подъ рукою—лошаді; пока оглянутся,—пара лихихъ уже умчали похитителей. Были и такіе случаи: мать родная хочетъ приласкать и взять ребенка на руки,—онъ благимъ матомъ кричитъ и убѣгаетъ къ новой матери: „не хочу! ты молоканка, не хорошая!“ Эта обливаясь слезами, уходитъ.

Досталось и намъ-священникамъ не мало на память. Грозили насъ убить и поджечь; къ моему товарищу о. І. Р—скому врывался уже ночью въ домъ убійца съ топоромъ, но Господь

не допустилъ. У меня лошадь уворовывали два раза; окна въ двухъ рамахъ выбили ночью дубиной. Это впрочемъ было еще мщеніе мужа за то, что я окрестилъ жену его и нашелъ ей убѣжище у воспріемницы. Ей за то все три окна съ улицы выбиты. За другую крещенную еще больше досталось: среди дня до 20 человекъ врывались въ мой домъ съ тѣмъ, чтобы взять ее и расправиться съ нею самосудомъ. Такія варварства могли прекратить только всепрощеніемъ виновныхъ, когда ихъ съ повинной приводили ко мнѣ власти: „не тушилъ пожара соломой“.

При такихъ обстоятельствахъ трудно было располагать къ себѣ и старыхъ молоканъ. Но время—лучшій врачъ сердечныхъ ранъ: лѣтъ чрезъ пять послѣ великой драмы съ дѣтями они стали опять доступны и благосклонно принимать къ себѣ для бесѣды.

Товарищъ мой о. І. Раз—скій, царство ему небесное, хотя и старшій, никогда не мѣшалъ мнѣ въ моихъ мѣропріятіяхъ по приходу, а въ трудныхъ случаяхъ, гдѣ приходилось обоимъ отвѣчать предъ начальствомъ, принималъ дѣятельное участіе, какъ не всегда къ сожалѣнію бываетъ въ причтахъ. Въ 1871 году онъ ушелъ въ другой приходъ; тогда все бремя легло на меня, младшій священникъ не основательно занялъ мѣсто—въ чайніи найти настоятельство, такъ какъ оно съ 1873 г., по Высочайше утвержденному новому положенію, давало 1½ части священническаго дохода. Это положеніе въ то время произвело великую смуту въ духовенствѣ.

Все пастырскія мѣропріятія,—каковы: бесѣды, поученія, народныя чтенія и улучшенное церковное пѣніе,—по милости Божіей, принесли свою пользу такую:

1) Церковь стала болѣе и болѣе наполняться народомъ; чаще стали заказывать молебны и заупокойныя литургіи, такъ что начали по субботамъ постоянно совершать богослуженіе и безъ заказа. Отъ того и доходъ братскій увеличивался.

2) Давно, почти 12 лѣтъ назадъ разбили большой колоколъ и съ того времени звонили въ одну половину его, а другая

была отпиlena. Этотъ колоколь въ 60 п., вѣрѣе куски его, мы убѣдили смѣнить на новый въ 106 пуд. Въ тѣ времена такой успѣхъ мы считали великимъ дѣломъ.

3) Въ 1862 г., въ виду того, что церковь наполнялась народомъ иногда до тѣсноты, мы смѣло начали и съ каѳедры и въ домахъ указывать на ветхость храма Божія. Между прочимъ узнаю, что въ вѣдѣніи Палаты Государственныхъ Имуществъ хранятся до 40 тыс. денегъ общественныхъ съ оброчныхъ статей, и добрый окружный начальникъ, полякъ С—ло, находилъ возможнымъ употребить эти деньги на церковь. Отъ общества проводили меня въ Астрахань ходатайствовать объ этомъ, и—я успѣлъ: 20 тыс. разрѣшено дать на постройку новой церкви.— Сначала думали строить деревянную, а потомъ (1863 г.) по нашему горячему убѣжденію, общество склонилось на каменную, которая отвѣчала бы обширности и богатству селенія. Постройка ея началась въ 1864 г., а начало половина дѣла. Богъ намъ помогъ склонить на святое дѣло волостнаго старшину М. В. Кр—ва и нѣкоторыхъ стариковъ (Ив. С. Сад—ва и Кал. Бл. Бол—ва), голосъ которыхъ имѣлъ вѣсь на сходкѣ. Съ помощью ихъ иконостасъ сдѣланъ весь золоченый съ иконами художественной работы (въ виду сектантства). Когда поставилъ иконостасъ, прихожане такъ умилелись при видѣ благолѣпія храма, что рѣшили для него купить всю утварь церковную и колокола новые въ Нижегородской ярмаркѣ, для чего пригласили ѣхать меня туда. Колоколь большой купленъ въ 260 пуд. и на все, съ помощію Божіей, нашлись средства.— Скоро и этотъ храмъ сталъ тѣснѣнъ. Прихожане уже сами, безъ нашихъ внушеній, согласились въ 1874 г. старый храмъ по новому плану перенести со всею утварью на степной край села. Каменный храмъ на старой площади остался во имя Казанской Божіей Матери, а деревянный на новой площади построенъ во имя Пресвятыя Троицы. Тутъ мнѣ оставалось только настоять, чтобы за одинъ подрядъ при храмѣ были построены и дома для причта. Самъ я не нуждался въ этомъ, жилъ въ собственномъ домѣ.

4) Училище казенное, единственное въ громадномъ селѣ, переполнилось дѣтьми обоего пола; потому не трудно было мнѣ расположить прихожанъ и открыть въ Пришибѣ особое женское училище, а потомъ года чрезъ три они согласились условно, по предложенію Министерства и на открытіе двухкласснаго сельскаго училища (1875—76 г.). По сему дѣлу и приговоръ пришлось мнѣ составить.

5) Нельзя не отмѣтить, какъ раньше того Богъ помогъ мнѣ въ своей половинѣ прихода искоренить одинъ обычай, бывшій на почвѣ повального свадебнаго пьянства. Въ день брака дальше полудня продолжали гулять. Наконецъ женихъ съ кавалькадой верховыхъ и всѣми гостями ѣдутъ выкупать невѣсту. Тутъ каждый порогъ окупаются чарками водки. Всѣ почти перепьются и уже поздно вечеромъ ѣдутъ въ церковь, оглашая весь путь пѣснями. За одинъ разъ подъѣдутъ къ церкви нѣсколько свадебъ, и — начинается по улицамъ бѣшенная скачка верховыхъ поѣзжанъ. Между тѣмъ церковь наполняется пьяными гостями и народомъ. Понятно — нельзя тутъ соблюсти надлежащаго порядка и благочинія. Послѣ нѣкоторыхъ мѣръ остановился я на одной. Разъ на свадьбѣ богатой трезвой семьи самъ пригласилъ въ дружки изъ родни степеннаго человѣка, противника пьянства. Съ его-то помощію и удалось мнѣ убѣдить родителей жениха и невѣсты, чтобы не подчивать гостей до совершения брака и не ѣздить выкупать невѣсту; съ женихомъ ѣхали бы прямо въ церковь и здѣсь встрѣчалъ бы онъ свою невѣсту. Изъ церкви уже по благословенію Божию они должны вмѣстѣ ѣхать домой. Убѣдилъ ихъ, что при такомъ порядкѣ бракъ будетъ угоденъ Богу и совершится рано. Такъ все и сдѣлано. Въ церкви народу собралось множество и всѣ чинно молились. По отсутствію въ поученіи высказалъ я то, что всѣ мы чувствовали въ эти минуты; за тѣмъ, въ знакъ благодарности, торжественно благословилъ почтеннаго дружку, обнялъ и поцѣловалъ его въ чело; при томъ объявилъ народу, что съ этого раза буду вѣнчать всѣ браки только днемъ и съ трезвыми; кто нарушитъ указанный порядокъ, тотъ самъ

себя накажетъ: бракъ его не буду вѣнчать въ этотъ день“. Послѣ того одинъ зажиточный ослушался: „намъ-де попь не указъ“ и—понесъ наказаніе. Не легко было и мнѣ переносить неудовольствія міроѣда и др., за то урокъ этотъ окончательно совершилъ переломъ къ испѣленію одной изъ язвъ народныхъ.

Скоро однако общее народное бѣдствіе примирило со мною недовольныхъ. Въ 1866 г. приахтубинскія селенія пережили сильную холеру. Въ Пришибѣ улицы, прилегающія къ степи, остались благополучными: они съ колодезями и большимъ Ильменемъ могли обходиться безъ рѣки, а близъ рѣки, въ части моего прихода, рѣдкій дворъ избѣжалъ смерти. Мнѣ одному пришлось день и ночь быть на ногахъ для напутствованія умирающихъ въ корчахъ и для погребенія ихъ. Слава Господу живота нашего! Почему то не боялся я смерти, какъ бы холера была не для насъ — духовныхъ, но забыть годину этой гадины не могу.

Время все измѣняетъ. Не осталось цѣлымъ и молоканство. Въ Пришибѣ издавна всѣ молокане были воскресники одного стараго толка, духовные христіане, какъ они себя называли. Въ 1867 г. между наставниками ихъ возникли споры относительно таинствъ — крещенія, причащенія и священства. Неурядица эта въ томъ же году оттолкнула нѣкоторыхъ въ жидовскую ересь. Тогда главари пригласили меня въ свое особое собраніе сказать свое мнѣніе по спорнымъ ихъ вопросамъ. Вскорѣ послѣ того значительная часть объявились евангеликами. Къ нимъ въ 1869 г. прибылъ сиріецъ Якубъ Н., называемый ими пресвитеромъ; онъ преподавалъ имъ правила своей секты, крестилъ многихъ въ рѣкѣ и чрезъ народное рукоположеніе поставилъ одного изъ наставниковъ, Вас. Ив. Оинагенова, во пресвитера. Съ того времени молоканство, волею Божіею, потеряло уже свою крѣпость и предель для „влающихся всякимъ вѣтромъ ученія“, — сектанты стали убивать себя своимъ собственнымъ оружіемъ.

Къ великому горю евангеликовъ, молодаго пресвитера ихъ полного энергіи, постигла ужасная участь библейскихъ — Корея, Дафана и Авирона. Весною 1872 г. плылъ онъ лодкою чрезъ

Волгу въ пос. Дубовку; съ нимъ, кромѣ кормчаго, сидѣли въ лодкѣ еще молоканинъ и двое православныхъ хохловъ изъ сл. Кап. Яра. Поднялась буря. Хохлы начали креститься съ молитвою: „Господи помилуй“! „Свят. отче Николае сохрани насъ“! Вас. Ив. сталъ издѣваться, осмѣивать ихъ молитву. Затѣмъ добавилъ: „ждите глупцы, — вотъ сей придетъ къ вамъ Никола вашъ спасать; тутъ надо работать“. Съ этими словами быстро всталъ и началъ скидать съ себя драповое пальто, чтобы помочь гребцамъ. Когда обѣ руки его были еще на половину въ рукавахъ, сильною волною качнуло лодку, — онъ навзничъ упалъ въ бушующія волны и въ тотъ же моментъ лодка опрокинулась вверхъ дномъ. Однако все спаслись, а В. Ив— ча и послѣ нигдѣ не нашли, какъ будто сквозь землю провалился.

На службѣ въ Пришибѣ изданы мною въ печати книги: „Другъ-Наставникъ при Божественной Литургіи“, „Поученія сельскаго пастыря на весь Катихизисъ“ и „Бесѣды священника съ наставниками молоканъ о св. иконахъ“ и былъ сотрудникомъ за плату въ „Руков. для сельск. пастырей“ отъ 1862 до 76 г. Напечатана „Лѣтопись с. Пришиба“ (и всего царскаго приахтуб. края), за которую избранъ дѣйств., членомъ Астр. Губ. Стат. Комитета. Въ 1873 г. избранъ членомъ-сотрудникомъ Императ. Вольнаго Экономическаго Общества.

Въ 1876 году преосвященный Хрисанфъ посѣтилъ Пришибинскую церковь и вскорѣ послѣ того предложилъ мнѣ занять праздно мѣсто въ г. Черномъ Яру въ соборѣ на время: „имѣю въ виду другое—лучшее“, сказалъ онъ мнѣ. Предложеніе принято мною съ благодарностію.

(Продолженіе слѣдуетъ).